

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

ЛЕДЯНОЙ
ВЕТЕР СУОМИ

Сыщики и воры. Исторические детективы Николая Свечина

Николай Свечин
Ледяной ветер Суоми

«Автор»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Свечин Н.

Ледяной ветер Суоми / Н. Свечин — «Автор», 2024 — (Сыщики и воры. Исторические детективы Николая Свечина)

ISBN 978-5-04-194666-1

Немудрено, что кассир крупного банка, уроженец Финляндии Раутапяя, воспользовался таким удобным случаем. До финской границы – всего ничего. А там, в продуваемом ледяными ветрами Гельсингфорсе, российская полиция бессильна. И всем заправляют местные блюстители порядка, для которых распоряжения имперских властей – пустой звук. Используя подложные документы, господин Раутапяя похитил почти триста тысяч рублей и был таков... В один из дней августа 1913 года в холодную и дождливую финскую столицу отправляется статский советник Лыков. Приказ – найти, поймать и вернуть воришку вместе с деньгами. Но поиски преступника быстро зашли в тупик. Кассир найден убитым, а украденные им деньги бесследно пропали. Оставалась одна маленькая и почти безнадежная зацепка: возле трупа лежала странная записка, которая обрушила все прежние версии Лыкова и превратила дело из уголовного в политическое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194666-1

© Свечин Н., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Свечин

Ледяной ветер Суоми

© Свечин Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Первое поручение

Второго сентября 1913 года из Петербурга выехали двое. Об отъезде одного сообщили газеты. Товарищ министра внутренних дел, командующий Отдельным корпусом жандармов генерал-майор СЕИВ¹ Джунковский отбыл на лечение в Наухгейм. Кошки из дому, мышки в пляс... В Департаменте полиции сразу улучшилось настроение. Директор департамента Белецкий, кандидат на увольнение от должности, выпятил грудь колесом. Своим ближайшим подчиненным он сказал:

– Говорят, дела Джуна плохи. Авось германские докторишки окончательно его залечат. Мы еще поглядим, кто кого пересидит.

В тот же день в Финляндию, без всякой помпы, уехал статский советник Лыков. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел в пятом классе не та фигура, которая интересуется прессу. Хотя задание, которое он получил от начальства, было особенным.

В середине августа в столице произошло необычное преступление. Старший кассир Русского для внешней торговли банка Хейкки Раутапяя придумал и успешно реализовал сложную аферу. Как потом выяснило дознание, он послал сам себе из разных почтово-телеграфных контор Петербурга и Гатчины двенадцать телеграмм. Текст их был вполне заурядным. А получателем указывался предъявитель рублевого билета за номером НВ-474. Собрав все телеграммы, кассир отпарил от бланков нужные ему слова и составил из них тринадцатую депешу. Она была послана якобы купцом первой гильдии Смирновым, владельцем Ликинской мануфактуры и крупным клиентом Русского банка. В телеграмме промышленник приказывал банку выдать его доверенному² потомственному почетному гражданину Лужскому двести восемьдесят девять тысяч рублей со счета владельца. Затем, уловив момент, финляндец подбросил фальшивую телеграмму во входящую корреспонденцию и расписался в журнале о ее получении.

Приказ Смирнова не вызвал в банке каких-либо подозрений. Сумма, конечно, была серьезная, так и купец тоже серьезный! Все знали, что Алексей Васильевич строит планы влезть на туркестанский хлопковый рынок. Деловые люди предрекали сильный его передел. Смирнов задумал синдикат, который должен был оттереть старых игроков по хлопку – Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество и Туркестанское торгово-промышленное товарищество «Соловьев К. М. и К⁰». Не иначе деньги понадобились старику для интервенций. Ну и выдали требуемую сумму... Средства в своем кабинете вручил доверенному сам старший кассир. Лужский, высокий бородатый мужчина, предъявил бессрочный паспорт, сгреб почти триста тысяч в саквояж и был таков. Потом сыскная полиция выяснила его настоящее имя – некий Караулов, мелкий мошенник. Раутапяя нанял его всего за двадцать пять рублей сыграть роль доверенного. Вышел из банка проходимец с пустым портфелем – деньги кассир оставил себе и вынес вечером. После чего исчез.

Гром грянул через три дня. Не дождавшись прихода финляндца на службу, его начальство решило наконец проверить последние операции пропавшего старшего кассира. И обнаружило поддельную телеграмму. Запросили Смирнова и выяснили, что никаких поручений банку он не давал и фамилию Лужский никогда не слышал.

Скандал вышел громкий. Семидесятитрехлетний аксакал являлся одним из крупнейших предпринимателей Московской и Владимирской губерний. Меценат, благотворитель, уважаемый человек – и попал на такие убытки. Главноначальствующий над Москвой генерал Адри-

¹ СЕИВ – Свита Его Императорского Величества. (Здесь и далее – примеч. автора.)

² Доверенный – представитель с правом подписи.

анов лично телефонировал министру внутренних дел Маклакову и просил раскрыть ужасное преступление. Команда полетела в градоначальство, там мобилизовали всю Петербургскую сыскную полицию, но люди Филиппова след взять не смогли. Выяснили только, что мошенник скрылся на территории Великого княжества Финляндского. А туда русским сыщикам ходу нет.

Еще выяснилось, что чемодан сорги³ хитрец провез на родину легально, выдав себя за денежного курьера и предъявив на таможне поддельные банковские документы.

В последних числах августа у Маклакова состоялось совещание. К министру позвали Джунковского, Белецкого, Филиппова и зачем-то Лыкова. Тот сразу заподозрил неладное. К финляндским делам он не имел никакого отношения, а сейчас активно работал с думской комиссией над законопроектом о реформе полиции. Вот чем давно пора было заняться народным избранникам! Полиция жила по установлениям семидесятых годов прошлого века и жалование получала соответствующее. Штаты тоже безнадежно устарели. Люди бежали из правоохранителей куда угодно, спасаясь от хронического безденежья. Между тем накалявшаяся обстановка требовала усиления полиции. Преступность росла как снежный ком, участвовавшие забастовки напоминали забытый уже девятьсот пятый год. Председателем комиссии по работе над законопроектом был избран Николай Алексеевич Хомяков, человек вполне приличный. Столбовой дворянин Смоленской губернии, сын известного славянофила, крестник Гоголя. Председатель Государственной думы третьего созыва! Один из основателей партии октябристов, ближайший соратник Гучкова. Сам Александр Иванович через него курировал вопрос реформы. Лыков рассчитывал на поддержку Гучкова и исправно посещал заседания комиссии, отстаивая интересы своего ведомства. Сыщик надеялся, что начальники ценят его инициативу и дадут статскому советнику довести дело до конца. Он ошибся.

Сначала Филиппов сделал доклад о ходе дознания кражи в Русском для внешней торговли банке. Схема аферы выявлена, сообщник арестован. И что с того? Деньги не найдены, а главный подозреваемый скрывается по ту сторону таможенной границы. Казалось бы, дать приказ финляндской полиции, пусть поймают и доставят Раутапяя к месту совершения преступления. И деньги вернут. Двести восемьдесят девять тысяч в кабаках не профурсишь. Но ни законодательство, ни сложившаяся практика отношений между Петербургом и Гельсингфорсом не позволяли это сделать.

– Почему же? – как всегда, завелся с пол-оборота министр.

Вместо главного столичного сыщика ответил Белецкий:

– Ваше высокопревосходительство, тамошние полицианты не станут выполнять подобное приказание. Ни я, ни даже вы, министр, не можете его отдать напрямую в условиях законодательной автономии Великого княжества.

– А кто может?

– Финляндский генерал-губернатор Зейн.

– Так пусть он и отдаст! Черт с ним, с церемониалом, лишь бы дело было сделано. Мне уже министр Двора Фредерикс телефонировал по поводу украденных у Смирнова денег. Интересно, когда мы вернем их почтенному купчине. Эдак скоро и государь спросит!

– Генерал-лейтенант Зейн может, конечно, отдать такое распоряжение. Но оно не будет исполнено.

– Как так? Степан Петрович, объяснитесь.

– Ваше высокопревосходительство Николай Алексеевич, таково положение вещей, увы. Состав полиции в Великом княжестве формируется исключительно из финляндцев. Настроены они поголовно против нас. Спят и видят, как задать деру из Российской империи. И уж точно не захотят выдать русской полиции своего земляка.

³ Сорга – деньги (уголовн. жаргон).

Кончики усов у его высокопревосходительства затряслись, и он беспомощно обернулся к Джунковскому. Тот, видать, уже не раз наблюдал шефа в таком состоянии и принялся его успокаивать:

– Николай Алексеевич, куда теперь деваться? Финляндцы давно готовят заговор. Вспомните, что было с пятого по седьмой год. Помогали восставшим в Свеаборге, сочинили Красную гвардию, оружие закупали на японские деньги... Сейчас хотя бы Государственная дума на стороне правительства и требует ужесточения отношений с этими чухонцами.

При упоминании Думы Маклаков, ярый ее противник, еще больше сморщился. Но товарищ министра не дал ему разойтись. Он быстро сообщил:

– Есть один вариант. Хороший.

– Докладывайте.

Джунковский потрогал себя за ус, короткий и густой, в отличие от министерского, и начал:

– Мы можем послать в Гельсингфорс своего чиновника, который будет подталкивать финских коллег к исполнению их обязанностей.

– И с чего это вдруг они согласятся, Владимир Федорович? Я прикажу – откажутся, а некий мой подчиненный попросит – и будет результат? Кто этот Икс?

– Статский советник Лыков, – немедленно сообщил генерал-майор.

Маклаков выпучил глаза:

– Но... почему?

– У Алексея Николаевича очень хорошая репутация в полиции Великого княжества Финляндского.

Лыков заерзал, но Джунковский не дал ему рта раскрыть:

– Он единственный в таком роде, других финляндцы не примут. А его примут.

– Повторяю вопрос: почему?

Тут заговорил Белецкий:

– Лыков – уголовный сыщик и не лезет в политику. Тем более в вопросы взаимоотношений столицы с ее окраиной. Алексей Николаевич у нас вообще... либерал. Он готов всех отпустить из-под горностаевой мантии русского царя: поляков, ингерманландцев, даже малороссов-мазепинцев...

На этих словах Маклаков шутя погрозил Лыкову пальцем. Директор Департамента полиции продолжил:

– Финляндцы недолюбливают русских, но для статского советника делают исключение. Потому что он дважды помогал тамошней полиции арестовывать их негодяев, и оба раза с риском для жизни!

– А что за негодяи? – заинтересовался министр.

– Один – это небезызвестный Ёста Аальто, десять лет назад убивший целую семью в Котке и спрятавшийся в Москве. Для его поисков сюда командировали двух финляндских сыщиков. Мы придали им Лыкова, и тот захватил убийцу в Даниловке после горячей перестрелки. Один из тех сыщиков, что вместе с ним шел на пули, теперь служит начальником криминальной полиции Гельсингфорса. Так у них сыскное отделение называется.

– Очень хорошо! – начал соображать Маклаков. – Он ведь вас не забыл, Алексей Николаевич?

– Не забыл.

– Вот пусть и отработает должок! А второй что за случай?

Белецкий почтительно продолжил:

– Второй был о прошлом годе, в самой Финляндии. Туда драпанул некто Клевезет, называющий себя анархистом, а на самом деле обычный бандит. Тамошние ребята сначала не хотели его искать. Мы послали Алексея Николаича и с ним фотографии жертв негодяя. Трех

застрелил, сволочь, включая гимназиста шестого класса... Финляндцы поняли, что тут политики нет, а простая уголовщина. Настоящего анархиста они бы ловить не стали, а этого взялись. И обнаружили в Торнео, Клевезет уже сел на германский пароход. Злодей принялся отстреливаться из каюты. Алексей Николаич заявил коллегам, что они не должны рисковать своими жизнями при аресте русского, когда рядом с ними имеется другой русский. И в одиночку заарестовал дрянь. Такой поступок тоже не забывается. Поэтому статский советник Лыков – единственный сейчас российский полицейский чиновник, с которым чухонцы будут иметь дело.

– Но как же хомяковская комиссия? – вскинулся сыщик. – Там много еще вопросов. Реформа полиции – что сейчас может быть важнее?

Маклаков попытался придать своему голосу участливость:

– Конечно, это очень важно. Но... сам Фредерикс телефонировал... Который видит государя каждый день. Вынужден приказать вам отложить пока дела думской комиссии и срочно выехать в Гельсингфорс на поиски... как уж его?

– Хейкки Раутапяя, – подсказал Джунковский, зачитав заковыристое имя по бумажке.

Лыков встал:

– Слушаюсь. Разрешите идти?

– Да, поторопитесь, дело срочное. Степан Петрович, держите меня в курсе дознания!

Сыщики дружно вышли, а Джунковский остался. В коридоре Лыков сказал Белецкому:

– Да, Степа, уж удружил так удружил...

– А что было делать? Ты действительно такой сейчас один.

– Пусть Филиппов едет, у него тоже авторитет будь здоров.

Начальник ПСП⁴ даже отшатнулся:

– Избави Бог! Эти финляндцы ничего не дадут сделать, а начальство обвинит в бездействии меня.

– Поехали вместе, – предложил один статский советник другому. – Там салака вкусная, я тебя научу в ней разбираться. Самая лучшая – голландская. Ей надрезают шейку, потроха выбрасывают, а кровь сливают в рассол. Тот принимает красноватый цвет и становится жирным. Потом салаку укладывают в еловые бочки из-под селедки, обложенные изнутри восковой бумагой. Мясо делается белым, вкус – выше всех похвал. Ну, едем! Успех поделим пополам.

– А он будет, успех-то? – хмыкнул Филиппов.

– Не уверен.

– Вот то-то и оно, Алексей Николаевич. У тебя в департаменте положение прочное. А меня Драчевский так и норовит съесть. Дурак же я буду, если подставляюсь из-за финляндцев.

Градоначальник Драчевский, вздорный и мелочный человек, изрядно портил жизнь главному столичному сыщику. Алексей Николаевич вздохнул – он не желал другу неприятностей. Тут еще Белецкий поддал со своего края:

– У тебя Драчевский, у меня Джунковский; с обоими каши не сваришь. Лыкову хорошо – он всем нужен! А я, между нами говоря, потихоньку подыскиваю себе место.

– Пусть Джунковский двинет тебя в сенаторы, – рассердился Алексей Николаевич. – Из директоров Департамента полиции туда попадают без задера.

Но Белецкий только вздохнул и переменял тему:

– Почитай нашу переписку с полицмейстером Гельсингфорса и приходи вечером, обсудим твое поручение. Хомяковской комиссией пусть пока занимается Азвестопуло. Триста тысяч не иголка в стоге сена. Если их сыскари возьмутся за дело всерьез, они их найдут. Так что главная твоя задача – заставить работать их. Один ты в Финляндии ничего не сделаешь, какая бы ни была у тебя репутация.

⁴ ПСП – Петербургская сыскная полиция.

– Это да... – помрачнел Лыков. – Они там даже по-русски не говорят. Или по-шведски, или по-фински. Ни тот ни другой выучить невозможно. И как вести дознание в стране, если ты не понимаешь ни черта?

В мрачном расположении духа статский советник вернулся в свой унылый кабинет с видом на внутреннюю тюрьму. Там Азвестопуло переписывал каракули членов думской комиссии, чтобы потом внести их правки в чистовик.

– Ну, зачем он вас вызывал? – настороженно поинтересовался помощник.

– Еду в Финляндию, – огорошил его шеф.

– По кой... как бы помягче сформулировать?

– Ловить Раутапяя.

– Это который увел триста тысяч у московского купца? – непонятно отчего развеселился Сергей.

– Тот самый.

– А мы здесь при чем?

– Ты точно ни при чем. Останешься здесь и продолжишь работу с хомяковцами. А я через несколько дней уезжаю. Черт бы их всех драл!

Лыков не сдержался и ударил по столу кулаком. Привычный к этому, стол даже не пошатнулся.

Азвестопуло молча ждал пояснений. Статский советник развел руками:

– Там же невозможно вести полноценное дознание. Ты всецело зависишь даже не от начальника криминальной полиции и не от коллег-сыщиков. А от переводчика. Как он захочет, так и переведет. И ты съешь то, что тебе наладут в тарелку.

– Но ведь вор есть вор в любой стране. И порядочный полицейский сочтет своей обязанностью поймать его и посадить в тюрьму.

– Сергей, ты там не был, а я был. Суоми – так финляндцы называют свою страну – это нечто особенное. Больше всего тамошними порядками она напоминает Польшу. Ребята жили не тужили почти весь прошлый век с тех пор, как их отрезали от Швеции и пришили к России. Своя конституция, парламент, судебная система; даже деньги свои! Финны имели то, чего никогда не имела вся остальная империя. Но кому-то в Петербурге стало завидно, и он настроил против мирных трудолюбивых чухонцев государя.

– Какого? – уточнил Азвестопуло.

– Александра Третьего, какого же еще. Предыдущие Александры, Первый и Второй, только поощряли финнов...

– Поощряли или развращали?

Лыков задумался:

– Ну... как посмотреть. Вспомни поляков: два кровавых восстания! Беспокойная земля, вечно жди оттуда подвоха. Финляндцы сидели тихо в своем закутке, их все устраивало. Когда случалась беда, они приходили и помогали. Воевали вместе с русской армией и в Крымскую войну, и в последнюю русско-турецкую. Но, конечно, жизнь в Великом княжестве была наособицу. Собственная таможня! Когда поедешь к ним, на станции Териоки ты с ней столкнешься. Свои финские марки, в том числе золотые – они появились задолго до реформы Витте. Своя лопманская служба, поскольку в шхерах плавать трудно. Сейчас за эту службу идет жесткая борьба русских с финнами. Кому помешала такая автономия? И начали прижимать. Отец почти ничего завинтить не успел, завинчивал у нас, а до Суоми руки не дошли. Тогда он завещал сынку продолжить такую политику...

Лыков оглянулся на дверь – плотно ли она прикрыта. Как-никак сыщик склонялся государя.

– ...и тот принялся за дело с редкостным вдохновением. Назначил генерал-губернатором печально знаменитого Бобрикова, которого ненавидела вся Финляндия. В тысяча восемьсот девяносто девятом году утвердил Основные положения, регулирующие законодательный про-

цесс в Великом княжестве. Ограничил права сейма, передав многие вопросы Государственному совету. Законы общероссийского значения теперь вводились в княжестве без обязательного согласования с сеймом, даже если они противоречили финскому законодательству. Через два года – «языковой манифест»: в судейских и административных делах в течение десяти лет финский и шведский языки должны были быть заменены на русский. Через год еще хлеще, царь разошелся не на шутку: сейм стал подчиняться генерал-губернатору, состав его утверждался государем по представлению того же самого генерал-губернатора. И уже все делопроизводство должно было вестись на русском языке, в дополнение к природным.

– И правильно, – вставил коллежский асессор. – А то одно государство, а как будто разные. Чем они лучше нас?

– Может быть, и ничем, – сгладил статский советник. – Но почему их не спросили, как они хотят жить?

– Общее государство – общие законы, – настаивал Азвестопуло. – Если дать всем волю, империя развалится. У поляков будут свои, у финляндцев свои, кавказские народы тоже захотят. Что тогда получится? Сумасшедший дом, где каждый живет как ему вздумается?

– Но Польшу все равно придется отпустить, согласись. Только выйдет или с кровью, или без крови. Лучше без.

– Поляков одиннадцать с половиной миллионов, – напомнил Сергей. – А русских сто пятьдесят. Сколько у нас финляндцев?

– Три миллиона. Почти...

– И три миллиона будут диктовать свою волю ста пятидесяти? – фыркнул Азвестопуло. – Ладно паны, тут я с трудом, однако могу понять. Но эти-то куда лезут? Оленеводы немые! Приют убогого чухонца, вот! Весь их вклад в мировую культуру – изобретение финского ножа.

– Ты бы съездил, поглядел. И понял бы, кто из нас более немый. У них почти поголовная грамотность. Каждый пятый имеет высшее или среднее образование – России такое и не снилось. Железнодорожная сеть как во Франции: на десять тысяч жителей приходится больше десяти верст рельсового пути. А ты не знаешь, почему там строительство одной версты железной дороги стоит втрое дешевле, чем в России? Нет? Потому что не воруют!

Азвестопуло прикусил язык, но Лыкова уже понесло:

– В Финляндии сегодня самое демократичное законодательство о выборах. Они прямые и всеобщие, причем женщины могут как избирать, так и быть избранными. На улицах нет нищих! А телефонная сеть? Она огромна, эриксоны имеются даже в деревнях. Пути сообщения тоже такие, как нам и не снилось. Высокое правовое сознание граждан, уважение к личности. Попробуй там извозчику нагрубить – он в полицию пожалуется, и на тебя составят протокол. В дачных местностях вокруг Петербурга, в Ингерманландии, страшная бедность, разврат, неряшество и пьянство, лень и полное убожество. Ничего этого в помине нет в Суоми.

Сыщики помолчали. Алексей Николаевич остыл и продолжил:

– Новые законы, как ты понимаешь, финнам не понравились. И началось пассивное сопротивление, как это называют пресса. В числе прочих реформ, в частности, распустили финскую армию...

– У них и армия своя была?

– Была да сплыла. Не очень большая, правда, но все-таки некая сила. Восемь стрелковых батальонов по числу губерний, драгунский полк и один гвардейский стрелковый батальон. Всего-навсего пять тысяч шестьсот человек. Войска формировались исключительно из финляндских уроженцев. Когда началось завинчивание гаек, власти решили уравнивать тяготы и сроки военной службы в империи и в княжестве...

Помощник перебил шефа:

– Минуточку. Стало быть, имело место неравенство? Поди, в пользу чухны?

– Имело, врать не стану. Согласно закону о повинности, Россия в случае войны должна была выставить под ружье пять процентов своего мужского населения. А финляндцы – только полтора процента. Срок службы у них был три года, а у нас – пять. И сами местные войска, как решил их сейм, созданы исключительно для обороны Финляндии и тем помогают обороне империи.

– Помогают обороне империи... – повторил коллежский асессор. – А хорошо они устроились! Мы за них будем воевать, а они сидеть на своем побережье. Я на месте государя разогнал бы такую «армию» к чертям. Пускай служат как все, если они такие же, как мы, подданные.

– Он и разогнал, – утешил Сергея Алексей Николаевич. – Сначала те восемь батальонов. Потом в драгунском полку во время принятия присяги были допущены нарушения. Генерал-губернатор сделал командиру замечание, после чего все офицеры полка подали в отставку. Ну, терпение лопнуло... Командира отрешили от должности, а сам полк был обращен в русский. Теперь это просто Двадцатый Финляндский драгунский полк, в котором служат наши бедолаги. Последней прихлопнули гвардию, ее тоже уже нет.

– А генерал-губернатора Бобрикова за это убили, – напомнил Азвестопуло.

– И убийца стал национальным героем⁵, – продолжил его мысль Лыков. – Вот в такое место я поеду вести дознание. Теперь понимаешь?

Но помощник опять вывернул разговор на армию:

– Я слышал, финляндцы, оставшись без своих домашних батальонов, наплевали на воинскую повинность.

– Верно. Они сорвали призыв тысяча девятьсот второго года начисто. Петербург не стал бросаться репрессиями, а решил наказать ребят рублем. Точнее, финской маркой. Воинскую повинность в княжестве заменили особым налогом, так называемыми «военными миллионами» – для начала десять миллионов в год. Потом эта сумма должна была постепенно повышаться. Но... финны заплатили налог всего один раз, в девятьсот пятом году. И с тех пор ни пенни – это их копейки.

– И в армии не служат, и налог не платят? – ехидно уточнил Сергей.

– В настоящее время – да.

– Ай молодцы! Еще, помнится, в годы недавнего бунта их полиция игнорировала распоряжения нашего правительства насчет революционеров...

– Опять ты прав, – с сожалением констатировал статский советник. – На территории Великого княжества Финляндского окопались враждебные партии всех мастей. Включая боевиков.

– А вы им этих боевиков подгоняли, – попрекнул помощник шефа. – Отвезли туда всю банду Кольки-куна. Тоже додумались... Еле-еле мы их потом списали.

Лыков осекся. Действительно, в тысяча девятьсот пятом году он на свой страх и риск эвакуировал в Финляндию девять человек из бывших русских военнопленных в Японии⁶. Вернувшись домой, отставные солдаты сунулись в политику. За ними была тогда крестьянская правда. Чувствуя это, сыщик пытался уберечь их от полиции, но не преуспел. Кончилась история кровью...

Зябко передернув плечами, статский советник продолжил:

– Террористы делали налеты на Петербург, убивали там кого хотели и прятались обратно в Суоми. Местная полиция охраняла их от русских властей. Еще финны закупили оружие для восстания, причем на японские деньги, но оно почти все погибло при транспортировке. Далее ты помнишь: Красная гвардия, Свеаборг, убийства русских жандармов и чиновников, всеоб-

⁵ Третьего июня 1904 года молодой чиновник сената Эйген Шауман трижды выстрелил в генерал-губернатора Бобрикова и смертельно ранил его, после чего тут же покончил с собой.

⁶ См. книгу «Банда Кольки-куна».

щая забастовка. Действия по русификации власть в результате приостановила. Сейм и сенат немедленно и самовольно расширили свои права. Даже издали циркуляр: поскольку имперские чиновники не осуществляют служебных полномочий в Финляндии, то поступающие от них к финским властям заявления подлежат рассмотрению с точки зрения законности и целесообразности. Понял? Маклаков отдал распоряжение, а они еще подумают, выполнять его или нет... Власть несколько лет это терпела, поскольку была слаба. Но бунты подавили, террористов перевешали и за Суоми взялись с новой силой. Три года назад Государственная дума отменила все эти самовольные законы. А в прошлом году приняла несколько важных новаций. В частности, вышел закон об уравнивании в правах русских подданных с гражданами Великого княжества. Лоцманскую службу передали в подчинение Морскому министерству. Установили новый порядок издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. Пытаются взыскать задолженность за неотбытие воинской повинности. И собираются отобрать у финляндцев Выборгскую губернию, вернуть обратно России, как было до тысяча восемьсот одиннадцатого года. Обострение между Петербургом и Гельсингфорсом нарастает. И теперь меня посылают в кипящий котел.

Азвестопуло попытался ободрить шефа:

– Но ведь Кетола вам поможет. Дело не безнадежно.

Юнас Кетола и был тем приятелем статского советника, которого упомянул Белецкий. Десять лет назад в Даниловке они вместе арестовывали опасного убийцу. Сейчас Кетола служил генеральным комиссаром криминальной полиции Гельсингфорса.

– Все сложнее, – возразил шеф. – Ты не знаешь особенностей их законодательства. Черт ногу сломит. Во-первых, финны часто и легко меняют фамилии, им достаточно разместить об этом объявление в любой провинциальной газетке. Ищи потом нашего жулика, если его теперь зовут по-другому. А во-вторых, там легко спрятаться за лжесвидетелей. По финскому праву, два свидетеля составляют полное алиби, а один – половинчатое. Если наш беглый кассир купит парочку пьяниц и те подтвердят, что во время аферы пили с ним водку в Сёрнесе, как ты его арестуешь?

– Сёрнес – это где?

– Самое беспокойное предместье в Гельсингфорсе, возле Северной гавани.

Сергей думал недолго:

– А я возражу. Какие такие лжесвидетели, если служащие Русского для внешней торговли банка хором подтвердят, что в день кражи Раутапя был там и лично выдал деньги своему сообщнику? А не пьянствовал в Сёрнесе.

– Ты меня не слышишь, – покачал головой Алексей Николаевич. – Раутапя теперь наверняка зовут по-другому. Он переменял фамилию или просто купил чужой паспорт. Подобрал кучу доброхотов, которые за деньги подтвердят его инобытие. Как это опровергнуть? Везти вора на опознание в Россию? Финская полиция откажет. Вот документы, вот свидетели, идите к черту...

– Даже так? – поразился коллежский асессор. – Ну дела... Однако мы сами можем доставить к ним банковских служащих, и те докажут личность Раутапя.

– А тот ответит, что в первый раз их видит и он просто похож на афериста. Дактилоскопической карты нет, а двойники действительно встречаются.

– Если Кетола захочет вам помочь, он придумает как.

– Если захочет, – вздохнул статский советник. – А если нет? Без содействия их полиции я там буду пустое место.

Глава 2

Весьма секретно, срочно

Лыков взял переписку Департамента по финляндским делам, углубился в нее и узнал много нового. В 1909 году правительство ожидало, что в Великом княжестве Финляндском вот-вот вспыхнет вооруженное восстание. С чего бы это? В бумагах не объяснялась причина опасений. Тревогу забили военные – видимо, они получили секретные данные о намерениях сепаратистов.

Сыщик с изумлением прочитал «Сводку сведений о военной подготовке Финляндии». В ней без всякого якова сообщалось, что план войны с Россией уже разработан. Подготовка к ней идет полным ходом! Воинственные суомцы готовы выставить против империи сто тысяч войска – имелись в виду обученные милиционеры. А уже заготовили двести тысяч винтовок, шестьдесят пулеметов, сорок горных орудий, десять орудий других систем и многочисленный моторный флот. Далее следовала приписка: «Есть непроверенный слух о приобретении пяти подводных лодок».

Дойдя до этого места, статский советник побагровел и полез в конец сводки. Она была подписана начальником Штаба гвардии и войск Петербургского военного округа генерал-лейтенантом бароном фон ден Бринкеном. Скрепил его подпись некий подполковник Свечин.

Лыков снял трубку телефона и попросил соединить его с Таубе. Тот оказался у себя в кабинете. В последние годы положение Виктора Рейнгольдовича укрепилось. Он курировал в совете Военного министерства вопросы разведки и контрразведки, в которых действительно был крупным специалистом.

– Здравствуй, – буркнул сыщик генералу. – Ты ведь у нас фон-барон?

– Да уж не лапоть заволжский, как некоторые, – ответил тот. – А ты куда клонишь?

– Знаешь другого барона, фон Бринкена?

– Разумеется. Мы с ним вместе воевали с японцами. Награжден Золотым оружием. Сидит в штабе округа, но на днях будет назначен командиром Двадцать второго армейского корпуса, расквартированного в Финляндии. Решение уже принято.

– А у него все в порядке с головой?

– Вроде да. Он на два года моложе тебя! Рано еще Александру Фридриховичу в маразм впадать.

– Хм. А кто такой подполковник Свечин?

– Свечиных несколько, ты какого имеешь в виду?

Лыков глянул в сводку и ответил:

– Он из штаба войск гвардии.

– Тогда Михаил Андреевич. Но он давно уже полковник. А в чем дело?

– Читаю его записку по подготовке восстания в Финляндии от тысяча девятьсот девятого года...

– Значит, ты имеешь в виду его младшего брата Александра, – перебил друга барон. – Этот сейчас в ГУГШ⁷, во Второй части обер-квартирмейстера. Изучает армии Австро-Венгрии, Германии, Румынии и Швеции. И тоже полковник. Умный! Впрочем, как и Михаил.

– Мне бы надо поговорить с этим умником, – сердито сообщил сыщик. – И срочно. Можешь организовать встречу? Хорошо бы и сам поприсутствовал.

– Александр Андреевич будет у меня сегодня в два пополудни. Подтягивай свои обозы к этому часу.

⁷ ГУГШ – Главное управление Генерального штаба.

Оставшееся до встречи время Лыков изучал бумаги. Его поразило, как были напуганы военные. Они утверждали, что бомба взорвется чуть ли не на днях, а армейские силы в Великом княжестве недостаточны. Двадцать второй корпус состоит всего из двух бригад и лишь называется корпусом, а по численности равен дивизии. Его части разбросаны по городам небольшими отрядами. В случае бунта их легко уничтожить. Железнодорожное и телефонное сообщение находится в руках финской администрации, и она охотно оставит наших военных без связи. Шхеры и вся прибрежная полоса тоже во враждебных руках: можно хоть тащить контрабанду, хоть высаживать десант. Нет даже подробной рекогносцировки внутренних частей Финляндии. Как будто она находится на Северном полюсе и у штабистов за сто лет не нашлось времени изучить вероятный театр военных действий...

Правительство под давлением военных разработало целый план борьбы с мятежом, который был утвержден государем в Ливадии 5 октября 1909 года. Чего только не было в этом плане! Наполнить страну солдатами до предела. В том числе гвардейскими частями. Мобилизовать Балтийский флот. Ввести железнодорожные войска и перехватить у финнов управление движением. Заменить заодно и всех телефонистов на русских. Лоцманов – заарестовать, а на их место поставить мужиков с Каспия. Подчинить станции беспроволочного телеграфа МВД. А министру «озаботиться разработкою мер в видах предотвращения возможных злоупотреблений означенными станциями». Усилить пограничную стражу. Было даже поручение Министерству юстиции: подготовить благонадежный контингент тюремщиков для окарауливания лиц, подлежащих аресту.

Некоторые абзацы документа вызвали у сыщика оторопь. «Упорной обороной Карельского перешейка финляндцы предполагают дать время разгореться и окончательно организоваться внутреннему восстанию и, по возможности, покончить с разбросанными частями 22-го армейского корпуса. Можно предполагать нападение со стороны финляндских партизан, переодетых в форму русских войск, для чего у них имеется достаточное количество запасов одежды русских солдат. Ставши полными хозяевами в крае, финляндцы имеют все данные для продолжительной и упорной борьбы против вторгающихся русских войск... Лабиринт шхер с целым флотом лоцманских судов и собственным беспроволочным телеграфом является прикрытием с моря и делает полную блокаду крайне затруднительной». Неужели это больное воображение генералов, напуганных минувшим лихолетьем? Или опасения вызваны агентурными донесениями контрразведки?

Именно об этом и спросил Лыков у Свечина, когда Таубе их познакомил. Полковник ему понравился: смотрел умно, не торопился с ответами... Он чем-то напомнил другого полковника, Снесарева, специалиста по Тибету, которого начальство засунуло в штаб кавалерийской дивизии, чтобы помалкивал насчет союза с англичанами... Есть в русской армии хорошие штаб-офицеры, подумал сыщик. Даже генералы есть; один как минимум сидел перед ним.

– Александр Андреевич, вы помните эту вашу записку?

– Помню.

– На чем основывались приведенные в ней пугающие данные?

– И что вас в ней так напугало? – удивился штабист.

– Вот эта фраза про пять подводных лодок.

Свечин заметно смутился:

– Ну... здесь же сказано: есть непроверенный слух.

Алексей Николаевич выпятил челюсть:

– Как возможно частным лицам держать у себя подводные лодки? Ангар потребуется. Или сухой док. А обслуживание? А обученный экипаж? Пробные погружения, горючее, ремонт двигателей. И все это втайне от властей?

– Я предлагал генералу фон ден Бринкену убрать эту фразу. Но он приказал оставить. Именно с целью напугать правительство.

– Александр Андреевич, – продолжил расспросы сыщик, – включение подобных фантазий в серьезный документ подрывает доверие ко всему документу. Согласны?

– Как вам сказать...

– Тогда продолжим. Как вы представляете стотысячное войско при населении всего в три миллиона? Это не очередная фантазия?

Полковник пожал плечами:

– Чуть больше трех процентов населения.

– Включая стариков, женщин и детей. Разве такие армии бывают?

– Алексей Николаевич, тут вы вторгаетесь в мою сферу. Где, извините, я более компетентен.

– И что? – Лыков начал заводить.

– Нас в скором будущем ждет большая европейская война. В которой, уж поверьте специалисту, воевать будут вот такие армии – массовые. Финляндцы для разрыва с Россией вполне могут выставить одного солдата из тридцати человек населения. Если захотят.

Теперь смутился статский советник. Свечин говорил уверенно, как человек, знающий предмет. Лыков попробовал отыграться:

– А сорок горных орудий тоже реальность? Где они их взяли?

– Привезти морем небольшие горные пушки сепаратистам вполне по силам. И шестьдесят пулеметов тоже. А данные о наличии в крае двухсот тысяч винтовок получены, кстати, из Департамента полиции. Вам кажется мало – двести тысяч враждебных штыков под боком у столицы? От пограничной реки Сестры досюда всего тридцать четыре версты.

Тут впервые в разговор вступил генерал Таубе:

– Алексей Николаич, ты чем так недоволен? Подводные лодки, пожалуй, здесь действительно приплели зря. Но в Суоми давно зреет идея вооруженного восстания. Это бесспорный факт.

– Для восстания им понадобится организация! То есть армия, а не горсть партизан.

– Вот! – барон поднял ладонь. – Вот мы и подошли к сути дела. Да будет тебе известно, что именно ее, армию, финляндцы сейчас и формируют. Втайне от имперских властей. На всей территории Великого княжества имеются скрытые военные кадры, которые очень интересуют нашу контрразведку. Ты не хочешь разобраться в этом вопросе?

– Каким образом?

– Упомянутые кадры в основном опираются на полицию и существуют легально в виде полицейского резерва.

– Резерва? – удивился Лыков. – Он в самом деле есть, что у них, что у нас. Полицейские резервы Петербурга и Москвы крупные, исчисляются сотнями человек. Что тут предосудительного или подозрительного?

– Представь, твое высочордие, что полицейский резерв Гельсингфорса еще крупнее. И насчитывает почти две тысячи человек.

– Сколько? – сыщик даже привстал.

– Две тысячи. Выходит, что людей в столичном резерве больше, чем в самой полиции, в пять раз.

– Это правда? Точно не слух или сплетня с целью напугать правительство?

– Увы, Алексей Николаевич, чистая правда. Которую финляндцы тщательно скрывают. А еще есть резервы полиций других городов. Плюс добровольные пожарные команды, спортивные общества, клубы лыжников, велосипедистов, охотников. И все обучаются военному строю, стрельбе, маневру на поле боя. Зачем велосипедистам обучаться стрельбе? У этих обществ есть свои унтер-офицеры и офицеры, интендантское ведомство, разведка, топографическая служба. Одних городских – по-их констеблей – подготовлено на восемь батальонов. Во главе

дела стоят опытные люди. Такие, как Генерального штаба полковник Альфтан, бывший губернатор Нюландской губернии.

Лыков сидел ошарашенный и размышлял. Вчера он говорил Сергею о распущенной финской армии. А сегодня выясняется, что она существует. Скрытно и понятно для каких целей. Таубе прервал его мысли:

– Ты ведь собираешься туда?

– Точно так. Получил приказ министра. Еду разыскивать одного жулика.

– Не убийцу, а именно банковского афериста, – поддел разведчик сыщика. – Мельчаешь в глазах начальства! Скоро карманников начнешь ловить.

– Да, говорят, кроме меня, финляндцы никому помогать не будут. Это, положим, чушь. Меня тоже станут водить за нос... если захотят. Неприятно ходить в дураках.

Вдруг Виктор Рейнгольдович попросил:

– Помогите нам.

– В чем?

– Выяснить насчет этой спрятанной армии.

– Как я вам помогу? – удивился статский советник. – Кто меня к ней подпустит?

– Кроме тебя, действительно, никто с их полицией говорить сейчас не сможет. По чисто полицейским вопросам, я имею в виду, – уточнил генерал-майор. – Но ведь и резерв, в котором прячется армия, тоже формально полицейский. Ты сможешь хотя бы подглядеть в щелочку. Мы, военные, лишены даже такой возможности.

– Подглядеть в щелочку... Как ты это себе представляешь? Не зная языка, занимаясь поиском конкретного мошенника, что я там смогу высмотреть? Да цена этому будет пшик!

Тут опять заговорил Свечин:

– Алексей Николаевич, вам ведь не впервой выполнять совместные секретные поручения МВД и Военного министерства. Даже я об этом наслышан. Сахалин, Дагестан, Семипалатинск, Смоленск... Мы, контрразведка, просим помочь в тонком вопросе. Финляндцы закрылись от нас, как только могли. Темень, ни зги не видать. Мы внедрили в их структуры несколько своих агентов. Передадим их вам. Сыщик Лыков дознает кражу в русском банке, ищет в Великом княжестве вора. Юнас Кетола не откажет вам в помощи...

– Вы и о Юнасе знаете?

– Знаем, Алексей Николаевич. Случай уникальный. Вы имеете хороший повод залезть в темный мир финляндской полиции. Читай – армии! Грешно будет его упустить.

– Александр Андреевич, вы предлагаете мне напроситься на совместную операцию? Чтобы над моей шеей висели сразу два топора – моего министра и вашего? Вот спасибо!

Таубе хмыкнул:

– Напрашиваться тебе не придется. Сухомлинов уже говорил с Маклаковым, и тот дал согласие.

– На что?

– На совместную секретную операцию. Капкан захлопнулся, ты попался. Ха-ха... Не представляешь, как я этим доволен. Мы уже все варианты перебрали и ничего не сумели придумать. А тут Лыков едет в холодный Гельсингфорс. Большая удача.

Сыщик не собирался сдаваться:

– Говорю же тебе, то, что я подсмотрю в щелочку, не имеет никакой ценности. Кто допустит меня до секретов? Юнас Кетола? Да он хитрее нас с тобой, вместе взятых.

– Мы дадим тебе своих людей в помощники. Секретный агент есть очень хороший, финляндец, но прорусских убеждений. Редчайший случай!

– Но...

– И добавим штабс-капитана Насникова. Помнишь такого?

Лыков впервые за разговор улыбнулся:

– Олег Геннадьевич? Штучный человек.

– Вот видишь, а ты отказываешься. Никто не требует от тебя невозможного. Сделаешь ровно то, что в твоих силах. Просто там поджигают фитиль к пороховой бочке, а мы имеем только догадки. Надо хоть что-то делать. Ты подвернулся со своим беглым кассиром очень вовремя. Извини, но права отказаться у тебя нет. России целят в спину.

– Однако...

Таубе опять не дал другу договорить:

– Ты знаешь, что из Финляндии готовят тайный выезд за границу молодых людей призывного возраста? И не просто за границу, а в Германию.

Алексей Николаевич насторожился:

– На учебу?

– Если бы. Они поступят там на службу в учебные военные лагеря. Будут потом командирами в финской повстанческой армии, когда начнется война.

– Ты уверен в этой информации? Такими обвинениями не бросаются. Извини, когда я читал записку барона Бринкена, то крутил пальцем у виска. Военные любят наводить тень на плетень. Дескать, дайте нам еще войск и денег, а то караул. Вот и появляются в служебных бумагах подводные лодки и горные орудия. Может, финские повстанцы – такой же миф?

– Не миф, Леша, – грустно ответил Виктор Рейнгольдович. – Поэтому ты нужен нам в Финляндии. Срочно!

– Могу подумать?

– Думай сколько влезет, но решение наверху уже принято. Сам премьер-министр Коковцов доложил государю и получил его одобрение.

– У меня начальник Белецкий. Когда услышу от него, тогда смирюсь.

Таубе пропустил слова друга мимо ушей:

– Даю тебе во временное подчинение полковника Свечина. Он введет в курс дела. Сведения о замыслах сепаратистов мы получаем от контрразведывательного отдела штаба Петербургского военного округа. Их возможности крайне ограничены. В Финляндии стоят наши войска, но они, как говорится, офинились...

– То есть?

– То есть сдружились с местным населением.

Алексей Николаевич одобрил:

– И правильно сделали. С населением надо дружить.

– А если оно в это время точит на тебя ножик?

Сыщик жестко ответил:

– Будем дружить, и тогда обо всем можно договориться полюбовно. Забыл? Худой мир лучше доброй ссоры.

– Эх, Алексей Николаич, совсем ты сделался либерал. Гучков говорит, всех готов понять. Кроме нас, русских. Так вернемся к делу. Агентура у КРО⁸ слабая, да там и невозможна настоящая агентурная работа. Мы, как я сказал, даем тебе своего человека. Он глубоко законспирирован и глубже других залез в чухонские тайны. И серьезно поможет, только ты будь осторожен, не провали его. Срок ознакомления с документами – двое суток. И все, в дорогу. Насников придет к тебе завтра, будете готовиться вместе.

Лыков пожал руки разведчикам и направился к выходу. Барон окликнул его:

– А правда, что ты чуть не женился на сестре Коковцова?

– Во всяком случае, она была не против.

– Был бы сейчас родней первому визирю. И наверняка его превосходительством, ха-ха... Ну, ступай.

⁸ КРО – Контрразведывательное отделение.

Тут дверь распахнулась и вошел стройный молодой полковник, узколицый, с тонкими усиками:

– Ой. Я не вовремя, Виктор Рейнгольдович?

– Заходите, знакомьтесь: Алексей Николаевич Лыков, тот самый, знаменитый в наших кругах. А это полковник Энкель Оскар Карлович из Особого делопроизводства ГУГШ.

Сыщик неоднократно слышал упомянутую фамилию от Павлуки. Особое делопроизводство – разведка и контрразведка. Сын отзывался об Энкеле уважительно, и полицейский с удовольствием пожал ему руку. После чего ушел. Он заглянул к Павлу, раз уж оказался в Военном министерстве. Огенквар⁹, где служил сын, находился в отдельном коридоре, куда дневальный впускал офицеров лишь по особому списку. Павлука вышел, покалякал с папашей на семейные темы, позвал его на именины жены. Узнав, что тот уезжает в Финляндию, легкомысленно махнул рукой и скрылся в своих секретных комнатах.

⁹ *Огенквар* – Отдел генерал-квартирмейстера, русская военная разведка.

Глава 3

Подготовительные мероприятия

Утром в кабинет к Лыкову без стука вломилась целая делегация военных. Впереди шел вчерашний знакомец полковник Свечин. За ним вразвалку шагал старый приятель сыщика подполковник Ерандаков. Замыкал колонну штабс-капитан Насников.

Подполковник, к удивлению хозяина, был одет не в жандармский мундир, а в общеармейский, при синих шароварах. А до того он заведовал контрразведывательным отделением Санкт-Петербургского ГЖУ¹⁰. Лыков задал закономерный вопрос:

– Василий Андреевич, давно ли вы перелицевались в драгуны?

– Неделю назад, Алексей Николаевич, – ответил тот. – Переведен в распоряжение начальника Главного штаба с зачислением по армейской кавалерии. А что, мундир плохо сидит? Не успел еще привыкнуть...

Подполковник был опытным служакой. Он сменил на должности первого русского официального контрразведчика полковника Лаврова, уехавшего по состоянию здоровья во Францию. Там Лавров продолжил секретную деятельность, руководя резидентурой в Германии. Когда органы противодействия шпионажу только-только создавались, Военное министерство пыталось обойтись своими силами. Быстро выяснилось, что лишь жандармские офицеры обладают нужным опытом, им и поручили новое дело. Только в последние годы появились среди военных первые доморощенные специалисты, такие как Насников. Штабс-капитану Лыков пожал руку особенно крепко:

– Рад встрече!

Гости расселись вокруг хозяина. Тот вызвал служителя и приказал принести чаю на всех. Когда дядька в медалях удалился, сыщик сказал:

– Валяйте. Ишь каким составом приперлись...

Свечин был фраппирован, но остальные двое лишь хмыкнули:

– То ли еще будет! Можем и Сухомлинова привести.

– Так все серьезно?

– Увы.

Ерандаков взял беседу на себя:

– Алексей Николаич, как вы знаете, я уже пятый год веду контрразведкой в Петербургском военном округе. Финляндия до последнего времени не очень нас занимала. А зря. Война близится, а эти ребята смотрят через Ботнический залив на тот берег, зовут германцев избавить их от русского ига. Представляете, если немцы высадят там десант? До Петербурга камнем добросишь, а войск – неполная дивизия. Под названием корпуса.

– Так усильте присутствие, что мешает?

– Много что. Автономии княжества росчерком пера не ликвидировать, приходится действовать осторожно, чтобы не возбудить население окончательно и не получить полноценный бунт. Для начала следует хотя бы наладить негласное освещение внутреннего положения. Помогите нам с этим.

– Василий Андреевич, поясните ради бога. В княжестве имеется собственное жандармское управление. Двадцать второй армейский корпус тоже ведет контрразведывательную работу. Для чего понадобился вдруг уголовный сыщик?

Ерандаков погрузнел:

¹⁰ ГЖУ – Губернское жандармское управление.

– Финляндское жандармское управление состоит под плотным наблюдением активистов, то есть активных противников русской власти. За каждым офицером, которых там раз-два и обчелся, следят с утра до ночи. Обложили плотным кольцом. А полномочий вести разыскную деятельность в Великом княжестве жандармы не имеют. Не положено! Могут только наблюдать и писать рапорты в Петербург. В Двадцать втором корпусе контрразведкой занят всего один офицер, который тоже под лупой.

– Заведите агентуру.

– Местные не идут, а чужих как внедришь?

Лыков начал терять терпение:

– Господа! В Петербурге проживает двадцать тысяч финнов. И четыре тысячи шведов, которые в княжестве тоже свои. И среди этой массы вы не можете завербовать дюжину надежных людей?

Заговорил Свечин:

– Все вроде бы так. На бумаге. Половина Выборгской стороны заселена белоглазыми¹¹. И в улицах вокруг лютеранской церкви Святой Марии на Конюшенной их тоже немало. Свои гимназии, своя газета, союзы, три книжных магазина... Но попробуй попади в ту среду. Финны – большие патриоты. Нам удалось завербовать, как вы изволили выразиться, дюжину агентов. Из числа запойных и лентяев. Все они уроженцы Старо-Финляндии, то есть Выборга и Карелии. Их выгнали за пьянство с заводов, люди перебиваются с хлеба на водку и на все готовы. Даже на предательство. Осведомители из них, как... А Ново-Финляндия, которая Суоми, другая. Народ там твердый, волевой, упрямый. Порядочный, если уж говорить честно. Как таких заставить работать на нас? Они в Петербурге временно, обязательно потом возвращаются домой. Чтут свою родину. Словом, мы смогли заполучить только одного настоящего осведомителя. Такого, кому можно доверять. Его зовут Клэс Лииканен. История с ним приключилась необычная, печальная история. Клэс обиделся... на свой народ.

И полковник изложил эту необычную историю. Лииканен проживал в Таммерфорсе и не помышлял ни о каком сотрудничестве с русскими. Второй город в Великом княжестве, Таммерфорс называли «финляндским Манчестером». Сильная текстильная промышленность, писчебумажная фабрика, асфальтовый завод – всем этим город был обязан силе водопада на реке Таммеркоски. Река связывала два больших озера, причем перепад высот между ними составлял восемнадцать метров. Прямо посреди города бурный поток обрушивался сверху вниз, давая бесплатную двигательную силу для местной промышленности. Дар Божий! Как ни странно, впервые мысль использовать воду озвучил государь Александр Первый. Попав в скромный тогда городок и увидев величественный водопад, он сказал своим спутникам: «Жаль, что эта сила не употребляется на что-то доброе, и какие полезные учреждения англичанин сумел бы соорудить на этом месте». Слова монарха запомнились администраторам. Вскоре промышленные предприятия Таммерфорса были освобождены от казенных податей и получили право беспрошленного ввоза сырых материалов. Привилегии действовали аж до 1906 года – в ущерб русской промышленности. В результате город с сорокатысячным населением процветал, одних только заводов в нем числилось до восьмидесяти, и все они питались дармовой природной энергией.

Лииканен служил мастером на бумажной фабрике Френкеля, состоял членом стрелкового союза, презирал рюсся¹² – словом, был благоверным финноманом. В феврале 1906 года он собрался жениться на Вендле Хаппу, горничной из лучшей в городе гостиницы «Ваза». Скромная трудолюбивая девушка покорила его сердце, вспыхнула настоящая любовь. Молодые выдержали срок помолвки, Клэс копил деньги на обзаведение, был счастлив... Шестнадца-

¹¹ Белоглазый – финляндец (пренебр.).

¹² Рюсся – презрительное прозвище русских в Финляндии.

того февраля они с невестой ехали мимо городского полицейского управления к нему домой. В Финляндии есть такой обычай: перед свадьбой невеста посещает дом жениха. Это называется «смотреть место для прялки».

Молодые люди не учли, что за три дня до этого в Гельсингфорсе группа боевиков ограбила отделение российского Государственного банка. Полтора десятка вооруженных мужчин вошли в помещение, убили сторожа Баландина, ранили кассира и похитили казенных средств на сумму 170 743 рубля 68 копеек. А заодно облигации Волжско-Камского банка и ипотечные свидетельства, принадлежащие служащим отделения. После чего спокойно вышли на улицу и разошлись кто куда мимо ничего не подозревавшего констебля. Лишь после того, как служанка директора выбралась по черной лестнице наружу и позвала на помощь, явилась полиция.

Сыщики взялись за дело весьма энергично. Уже на следующий день на станции Керава в двадцати километрах от Гельсингфорса были арестованы четверо нападавших. При аресте один из них убил жандармского унтер-офицера Михайлова.

Еще более кровавая драма разыгралась 16 февраля в Таммерфорсе. В номере, который сняли двое приезжих, горничная нашла спрятанный маузер. Она сообщила в полицию, и та быстро схватила одного из номерантов. Второго выследили на вокзале, арестовали и, не обыскав как следует, привели в участок. И там парень показал себя... Выхватив нож, он зарезал комиссара полиции Балкевича и констебля Грепфельта, а еще одного констебля ранил. Фактически террорист в одиночку захватил весь участок – так легкомысленно повели себя местные правоохранители. Завладев огнестрельным оружием, разбойник открыл огонь. Ранил еще двух констеблей, забаррикадировался изнутри, а потом из окна начал стрелять во всех подряд. Когда уцелевшие полицейские попытались выманить убийцу, тот стал кричать, что он социал-демократ и народ обязан помогать ему. Толпа возбудилась от этих призывов, окружила участок плотной стеной и помешала полиции захватить преступника.

Констебли вызвали пожарную команду, чтобы выкурить стрелка. Но едва один из них поднял брандспойт, как получил от горлопанов такой удар кастетом по голове, что потерял сознание. Другого пожарного боевик застрелил из окна. Всего он убил троих и ранил девятых человек. Лишь когда у него кончились патроны, его удалось задержать.

Одна из выпущенных им пуль угодила проезжавшей мимо Вендле Хаппу под сердце. Через четверть часа девушка умерла на руках жениха...

Клэс Лииканен долго не мог оправиться – от пережитого несчастья у него на полгода отнялись ноги. С ужасом добропорядочный финляндец наблюдал, как общество восприняло трагедию. Рабочие окрестных заводов противились аресту террориста, а потом угрожали напасть на тюрьму! И это несмотря на пролитую им кровь... Пришлось срочно вызывать из Гельсингфорса дополнительные силы полиции для охраны тюрьмы.

В ходе дознания выяснилось, что нападавшие в большинстве своем были не финны, а рижские боевики, известные своей жестокостью. Братья Чокке отличались особой кровожадностью. Жандармского унтер-офицера убил Карл, троих в Таммерфорсе – Янис, а сторожа в банке – Густав Чокке. Но среди тех, кто обеспечивал успех нападения, было много финляндских уроженцев. Они снабдили боевиков оружием и документами, предоставили явки, укрывали их. А также блокировали площадь у банка на случай, если полиция прибудет до завершения нападения. Когда большинство налетчиков оказались за решеткой, власти Великого княжества отказались этапировать их в Россию. Троих бандитов выдала Швеция – но финнам, не русским. Суд прошел в Гельсингфорсе и удивил всех мягкостью приговоров. Непосредственным убийцам, конечно, выписали каторжные сроки. Янис получил пожизненное, Карл – пятнадцать лет, а Густав – десять. Но финские сообщники отделались небольшими сроками: от трех с половиной лет до трех месяцев тюрьмы. Эмма Гайлис, любовница и укрывательница Яниса, вообще была отпущена на свободу в зале суда.

Отказ финнов выдать кровавых братьев Петербургу спас им жизнь. В декабре 1905 года они организовали нападение на караульную команду при рижском заводе «Проводник». При этом погибло несколько русских солдат. За это Чокке должны были болтаться на виселице в ряд. Но сенат Великого княжества Финляндского распорядился иначе. Общество в целом было на стороне подсудимых. А пресса именвала экс в Гельсингфорсе не иначе как нападением на «незаконный русский банк», поскольку его размещение там не было согласовано с сеймом. Ну а раз незаконный, то чего их, русских, жалеть?

Когда приговор суда вступил в силу, Клэс Лииканен приехал в Петербург. Там он явился в штаб военного округа и предложил контрразведчикам стать их осведомителем.

Лыков выслушал историю ценного агента с сочувствием. Идейный осведомитель лучше трех, служащих за деньги. Он спросил:

– Толковый вышел агент? Прошло семь лет. Как он?

– Не раскрыт и весьма полезен, – ответил Ерандаков. – Сейчас Клэс делает карьеру в организации сепаратистов «Союз свободы». Уже казначей столичного отделения!

– Так пусть он вам и узнает про полицейский резерв.

– Не его вотчина. А начнет выпрашивать, подпадет под подозрение. Притом Лииканену нужен хороший руководитель. Он человек партикулярный, в военных вопросах не разбирается.

– А жандармы на что? Они военные.

Василий Андреевич замахал руками:

– Я же говорил: голубые мундиры все на виду. Спалим лучшего агента! Начальник управления полковник Еремин подозревает даже собственных горничную и дворника в том, что они за ним подглядывают. Это как в Польше, только еще хуже. Финляндцев, знающих русский язык, единицы. Разумеется, наши офицеры нанимают в прислугу в первую очередь их. И в результате сами понимаете...

– Штабс-капитан Насников военный, пускай он подучит вашего партикулярного.

Олег Геннадьевич развел руками:

– У меня свое задание, тоже будь здоров не кашляй. Я должен мобилизовать для контршпионской борьбы кадры управлений окружных воинских начальников¹³.

– Поясните, я не понял, – насторожился Алексей Николаевич. – Их дело – призыв на воинскую службу и учет резервистов.

Насников напомнил:

– Нет же теперь никаких призывников и резервистов в Финляндии! По манифесту от двадцать второго октября тысяча девятьсот пятого года. Отменили для них воинскую обязанность, заменили на денежные выплаты. А кадры управлений воинских начальников, учрежденных в каждой губернии и в крупных городах, остались. По одному офицеру, но имеются; кое-где по два. От безделья ковыряют в носу, получая при этом жалованье. Их обязали присматривать за иностранцами, но особых успехов не замечено. Вот решили подтянуть дармоедов в помощь контрразведчикам. По правилам, воинские начальники обязаны знать финский и шведский языки, что тоже большая редкость в рядах русских военных. Пускай впрягаются!

– Что еще важно, – дополнил Свечин, – эти чины не так наблюдаются сепаратистами, как, например, жандармы. Их принято считать второсортными, что ли. Фактически они девятый год бездельничают на казенный счет. Но как-никак это наши люди, часто в штаб-офицерских чинах¹⁴, знающие условия местной жизни. Грех не привлечь их к секретной службе на благо Отечества. Тем более накануне войны.

¹³ Управление воинского начальника – аналог районного военкомата.

¹⁴ Штаб-офицерские чины – подполковник и полковник.

Последние слова полковника заставили всех нахмуриться. Да уж... Служишь, растишь детей и внуков, ловишь рыбу или ходишь в театр. А на тебя уже пущена железная колесница...

– Так что, – прервал паузу Александр Андреевич, – штабс-капитану есть чем заняться в Суоми. Он должен обучить офицеров основным навыкам, помочь им создать собственную агентуру, а еще проверить, как далеко зашло там германское шпионство. Придется гримироваться, менять мундир на штатское платье, быть настороже. Активисты создали собственную разведку, им помогают и немцы, и шведы...

– А шведы с какого лешего? – возмутился сыщик. – Мы им чем не угодили?

– В Швеции сейчас сильны антирусские настроения. Давняя обида за отобранную у них Финляндию умножилась на новые страхи, которые там успешно подогревает Германия. Известный Свен Годин, старый недруг России, издал брошюру о том, как мы собираемся откромсать от Норвегии кусок земли для выхода к незамерзающему Норвежскому морю. Книга издана на немецкие деньги в количестве пятидесяти тысяч экземпляров и распространяется по всей стране. Называется «Слово предостережения». Многие шведы верят.

– А мы правда хотим это море?

– Оно же когда-то было нашим, – напомнил разведчик. – Четыреста верст берега к западу от реки Печенги принадлежали России. В тысяча восемьсот двадцать шестом году эти спорные земли размежевали между Россией и Швецией. Норвегии тогда, как вы помните, еще не существовало. И русский топограф подполковник Валериан Галанин, видимо за взятку, подарил их шведам.

– А наши власти?

– Съели. Не хотели ссориться с соседом, которого и без того изрядно обидели. Да и картографическая служба была в зачаточном состоянии. А дипломаты не стали затруднять себя поиском доказательств, что земли русские. Никто тогда не думал, что лишний порт на незамерзающем берегу очень пригодится России. Теперь вот обнюхиваем потихоньку бухту на Мурмане, которая много хуже.

– Возмутительно... – проворчал Лыков. – Не знал. А это не легенда, случаем? В учебниках истории про сие не написано.

– В учебниках много чего не написано, – утешил хозяина кабинета Ерандаков. – Но вернемся к нашим баранам. Все сходится на том, что вести сверхважного агента в Финляндии придется вам, Алексей Николаевич. Знаю, скажете, что вы не военный, а сыщик. Для нас-то вы давно военный! Или лучший друг служителей Марса. Интерес армии понимаете не хуже нас. Что готовят финны за нашей спиной? Как выглядят их скрытые формирования? Где они прячут оружие? Как сообщаются с германской разведкой? Особое внимание следует обратить на ситуацию в шхерах. Там проложены секретные фарватеры Балтийского флота. Когда начнется война, моряки снимут все створные знаки, вехи, погасят маяки и бакены. Чтобы, значит, затруднить действия германского флота, а возможно и шведского. Год назад имперское правительство отобрало у финляндцев лоцманскую службу. Имелись сведения, что те передают наши военные карты врагу... Местные лоцманы в знак протеста уволились, намереваясь оставить наше судоходство без глаз. Власти не поддались на шантаж и разместили в шхерах русских лоцманов, преимущественно взяв их с Каспийского моря. Сами понимаете, дело трудное и ответственное, риски кораблекрушений с жертвами и все такое. Сейчас каспийцы изучают свои участки, а море есть море: то выявится новая банка, то риф, то смое створный знак... И случаются несчастья, в которых местная пресса обязательно винит русские власти. Вот только что произошло...

Подполковник вынул из кармана бумагу и продолжил рассказ, сверяясь с ней:

– Пароход «Весткустен» в тумане прошел веху с неправильной стороны и врезался в скалу возле Хольмерской каменистой банки. Погибли все, включая двух русских лоцманов. Спасся один-единственный человек, торговец, который залез на мачту, что высывалась из

воды, и привязал себя к ней ремнем. Еще двое висели на той же мачте, но замерзли и упали в море. Тридцать восемь жизней... Теперь ответственность за беду приписывают нам.

– Но ведь именно русские лоцманы направили пароход не с той стороны вехи!

– А кто теперь установит это достоверно? Капитан мог их не послушать, сказать, что он лучше знает, а вы-де возвращайтесь к себе на Каспий. Такие случаи были. Так вот, мы имеем сведения, что на побережье дело зашло очень далеко. Лишившись доступа к русским военным картам, немцы высадили в шхерах ряд разведывательных групп. И наблюдают скрытно за маневрами наших кораблей, нанося на карты военные фарватеры. А местные сепаратисты им помогают! Кормят, поят, прячут от полиции. А впрочем, их полиция хуже немецких шпионов. Важно выявить эти группы – среди враждебного нам населения – и ликвидировать. Без армии, без прочесывания местности, ограниченными силами контрразведки и ОКЖ¹⁵.

Тут наконец принесли чай. Когда курьер удалился, контрразведчик отхлебнул из своего стакана и продолжил:

– Запомните явку: улица Девичья Тропа, дом четыре, контора Финляндского общества культуры мхов. Время встречи – по вторникам с шести часов вечера. Внеочередные свидания оговариваются по телефону пятьдесят девять ноль восемь.

– Культура мхов? Что за зверь?

– Общество занимается торфодобычей, а Лииканен служит там исполнительным директором. Передайте ему от моего имени два новых задания. Первое. Немцы начали усиленно скупать по всей Финляндии лошадей. Через Швецию они перевозят их к себе и ставят на нужды армии. Наше военное ведомство тоже заинтересовано в конском составе – лошадей в России сроду не хватало. Мы хотим знать численность поставок и структуру: сколько строевых, сколько вьючных, сколько упряжных и гужевых. Почем германцы их скупают. И кто главные продавцы.

– Понял, – кивнул сыщик.

– Второе задание: скупка теми же германцами семян красного клевера. В каких количествах и сильно ли за последнее время выросли эти объемы.

Лыков недоуменно спросил:

– Какое дело Военному министерству до красного клевера?

Свечин, давно молчавший, дал пояснение:

– Тема возникла только что, с подачи нашего резидента в Германии. Виктор Рейнгольд-ович намекнул, что вы его хорошо знаете.

Статский советник понял, что речь идет о Федоре Ратманове-младшем по кличке Буффаленок. Когда-то давным-давно он сам помог ему бежать с Сахалина и легализоваться в немецких колониях¹⁶. Федор уже много лет вел секретную работу в Германии в интересах русской разведки.

– Так вот, этот человек сообщил, что наши противники в глубокой тайне готовят создание нового страшного оружия – они разрабатывают удушающие газы. Оружие бесчеловечное, способное погубить целые дивизии на поле боя. Если мы будем не готовы, тогда дело швах. Новость уже доложили государю. Он приказал взять дело на особый контроль. А мы пока информированы лишь в самых общих чертах. Знаем, в частности, что для фабрикации газов-убийц используются семена красного клевера.

– Понятно.

Офицеры залпом допили чай и дружно, как по команде, встали:

– Честь имеем!

Штабс-капитан дополнил:

¹⁵ ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

¹⁶ См. книгу «Мертвый остров».

– Я еду в Гельсингфорс на днях. Искать меня там надо через начальника штаба Двадцать второго армейского корпуса генерал-майора Новикова.

Военные ушли, а Лыков долго еще сидел в задумчивости. Боевые удушающие газы... Этого только не хватало. Люди по части изобретения способов убийства достигли невиданного мастерства. Пулеметы, нарезные пушки, новые более мощные виды взрывчатки. Подводные лодки и сверхдредноуты. Аэропланы и дирижабли, способные сеять смерть с неба. Бомбометы, швыряющие мины в окопы за шиворот сидящим в них пехотинцам. Мортиры гигантских калибров. Магазиновые винтовки, чьи пули бездымный порох разгоняет с невиданной скоростью. Бойня будет страшная. Тут еще и воздух решили отравить... Вот тебе и красный клевер.

Глава 4

В Финляндии

Лыков выехал в Гельсингфорс утренним курьерским поездом в десять часов утра. Он не любил ночевать в поездах, а тут в шесть вечера уже и прибыли. За нумерованное место в первом классе пришлось доплатить два с полтиной. Этот расход статский советник взял на себя – иначе замучаешься доказывать его необходимость бухгалтеру департамента.

Поезда Финляндской железной дороги всегда отличались чистотой и порядком. Никаких тебе тараканов или вороватых кондукторов, которые за полцены подсаживают «зайцев». Прислуга вежливая, говорит по-русски – это определено специальным законом, принятым десять лет назад¹⁷.

Сначала за окном мелькали знакомые пригородные пейзажи. Осень только-только началась, и леса стояли зеленые, умытые вчерашним дождем. Рабочие вкапывали новенькие столбы параллельно опор линии телеграфа – тянули прямое телефонное сообщение Петербург – Гельсингфорс. А на них из кустов глазели лоси...

Уже в Белоострове Россия кончилась – здесь река Сестра отделяла империю от Великого княжества Финляндского. Первая финская станция Оллила мало чем отличалась от питерских задворков. Настоящая заграница ожидала путешественников в Териоках, и там же их подстерегал нудный таможенный досмотр. Полчаса приходилось терпеть любопытство мытарей. Опытный Лыков, пройдя досмотр, сразу отправился в буфет. Очень хороший, тот предлагал пассажирам знаменитую сексу. Так назывался набор из десяти-двенадцати закусок, которые можно было брать со стойки, сколько хочешь, всего за одну марку. Или за тридцать семь с половиной копеек. Заодно питерец купил полбутылку пива. Просто так его не продавали, только вместе с едой. Ох уж эти условности...

Выпив пива и закусив салакой, Алексей Николаевич позволил себе немного расслабиться. Поручение у него трудное – так не в первый раз. Военные запрягли против воли в упряжку? И это не новость. Успех поимки беглого кассира полностью зависит от поддержки местной полиции. Надо надеяться, что генеральный криминал-комиссар Кетولا поможет старому приятелю, как тот ранее помогал финляндцу. А вот если он узнает про секретные поручения Сухомлинова, это может их рассорить. Да... Осторожность во всем, а то еще и несчастного торфодобытчика провалишь...

От мыслей сыщика отвлек шум. Так и есть! Каждый раз одна и та же история. Подвыпивший турист, явно из провинции, чинил скандал буфетчику:

– Я тебе говорю: дай пива! Пи-ва. Три полбутылки. Без жратвы, ну ее к бесу. А ты, дурак, чего несешь? Шевелись, ланцепуп!

Только что Алексей Николаевич подсмотрел, как этот наглец в купе высосал из горлышка изрядно коньяку, чтобы не платить за него пошлину. И вот теперь алкоголь ударил в его тупую голову.

Буфетчик, седуусый финн, привык к таким сценам. Недолго думая, он послал помощника за констеблем. А турист не унимался. Разойдясь не на шутку, он скомкал лежащую перед ним салфетку и швырнул ее в лицо финляндца. Но тут как раз подоспел Лыков. Он перехватил брошенное на лету, взял скандалиста за ворот и развернул лицом к себе:

– А ну молчать! И взять себя в руки!

– Ты... вы кто?

¹⁷ В 1903 году знание русского языка сделали обязательным для лиц, обслуживающих пассажирское движение по Финляндской железной дороге и общающихся с пассажирами.

– Департамент полиции. Решил, если выехал из России, значит, можно хамить направо и налево? Сейчас вернешься домой.

– А чего он мне пива не дает?

– Здесь так положено: пиво только с закуской. Дома будешь глупость свою выказывать. Извинись перед человеком, а то вон уже идет полицейский. Снимет он тебя с поезда, составит протокол. Заплатишь десять рублей штрафа и будешь тут куковать в ожидании ночного курьерского. Ну? Живо! И учти – я тебя запомнил.

Волшебные слова «Департамент полиции» сделали свое дело. И внушительная фигура констебля тоже. Подвыпивший хам извинился перед седоусым, дал ему трешницу за беспокойство и был прощен. После чего пулей кинулся в вагон. А Лыков вернулся к своему столику. К нему подошел буфетчик и поставил перед ним открытую бутылку с пивом.

– Я не заказывал, – удивился сыщик.

– Это в знак благодарности.

– Эх... Вы уж не обессудьте – таких у нас много.

– Я знаю, – насутился буфетчик. – Таких, как вы, хотелось бы побольше. Могли бы неплохо соседствовать...

– Спасибо.

Сцена была статскому советнику неприятна, он быстро допил дареную бутылку и вернулся в вагон. Но его приключения на этом не закончились.

Поезд подъезжал к станции Тюрисея. Лыковы-Нефедьевы два года подряд снимали здесь дачу. Гора Пахтула дарила отдыхающим живописный вид на Финский залив. Под горой притулилось не менее красивое озеро. Хорошее местечко! Статский советник разнюнился, вспоминая, как месяц назад катал здесь на шее по очереди внуков-близнецов Пифку и Сопелкина, детей Павлуки. Вдруг по коридору быстро прошел малый в готовом костюме¹⁸ и картузе с лаковым козырьком. Лыков вздрогнул. Это был известный бандит Решетьков по кличке Николай Угодник, опасный убийца, состоявший в циркулярном розыске. Его безуспешно ловили уже второй год. Порховский мещанин приехал в столицу на заработки и поселился в «скобских дворцах» – так называли зловонные трущобы псковских отходников на Выборгской стороне. Называли потому, что кличка у бедолаг была скобари, то есть недотепы. По каким-то причинам жители этой губернии не имели способностей к ремеслам, как другие, и в Петербурге брались за грязную неквалифицированную работу. Трудиться землекопом Решетьков не захотел, подался в бандиты и быстро завоевал славу удачливого и жестокого фартовика.

Завидев гримасу на лице пассажира, преступник понял, что его узнали, и прибавил шаг.

Сыщик бросился за ним. Поезд как раз подходил к станции. Решетьков выскочил на перрон, но Алексей Николаевич успел ухватить его за руку:

– Стоять!

Тут же подбежал станционный жандарм и положил руку на кобуру:

– В чем дело, что происходит?

– Я статский советник Лыков из Департамента полиции, а это бандит, которого мы ловим.

Обыщи его и помощи доставить к начальнику станции.

Унтер, слышав властную интонацию сыщика, тут же подчинился. Ловко проверил карманы задержанного и извлек из них револьвер:

– Опа!

Следом он протянул начальству паспорт.

– Так... Личный потомственный гражданин Пафомов Севастьян Вавилович. А на самом деле Решетьков Николай Степанович, убийца в розыске. Следи за ним внимательно. Пошли!

¹⁸ Готовый костюм – костюм, купленный в магазине готового платья, а не сшитый на заказ.

Николай Угодник весь был как сжатая пружина, но не предпринимал попыток к бегству. Зато, когда все они оказались в кабинете с табличкой «Асемапеликке»¹⁹ на двери, бандит сразу заявил:

– Вот ведь сатрапы! Вяжут невинного человека. Привыкли там в России над людьми измываться.

И железнодорожник, молодой белобрысый финляндец, тут же принял его сторону.

– Невинный человек на самом деле уголовный преступник, – сказал Лыков. – Вот мой полицейский билет. Надо срочно телеграфировать в Гельсингфорс, криминал-комиссару Кетоле. Пусть вышлет сюда наряд, забрать негодяя.

Хозяин кабинета не стал даже смотреть протянутые ему документы:

– На территории Великого княжества Финляндского он не совершил никаких преступлений. А билетом машите у себя в России, здесь такое не пройдет.

– Преступник въехал по фальшивому паспорту, – пытался образумить служащего статский советник. – Дайте экспресс²⁰ Кетоле, он объяснит, кто я.

– Паспорт как паспорт, не вижу, чтобы он был фальшивым, – парировал финляндец. – Может, это ваш билет фальшивый? Мы тут царских ищек не любим.

Лыков не знал, что делать. Сейчас убийцу отпустят, и ищи его потом годами. Но вдруг к начальнику станции подошел сосед сыщика по купе и заговорил с ним – кажется, по-шведски. Тот выслушал и впервые посмотрел на «царскую ищейку» внимательно.

– Это вы в Териоках умилили русского хама?

– Ну... заслужил.

– Понятно. Это все меняет. Как уж фамилия криминал-комиссара?

Бандит сообразил мгновенно. Сильным ударом в лицо он сбил железнодорожника с ног, выскочил на улицу и припустил по дебаркадеру к лесу. Лыков, русский жандарм и финский констебль бросились за ним. Алексей Николаевич догнал беглеца первым и цапнул за ворот. Тот извернулся, оставив в руках сыщика пиджак, и прибавил ходу. Но секундной задержки хватило унтер-офицеру. Он подножкой повалил негодяя и уселся на него верхом:

– Попался, шаромыжник!

Когда Николая Угодника вернули в кабинет, начальник станции утирал с лица кровь.

– Ну, теперь верите? – прохрипел запыхавшийся сыщик.

– Теперь верю.

– Укажите в телеграмме: задержан опасный убийца Николай Решетьков, с оружием и фальшивыми документами. Адресат – генеральный комиссар криминальной полиции Гельсингфорса Юнас Кетола. Царского сатрапа звать Лыков. Оприходуйте негодяя и караульте до приезда полиции, а мне пора ехать дальше.

Остаток пути прошел без происшествий. После Выборга началась коренная Ново-Финляндия, или Суоми. Проехали узловую станцию Куовола, где буфет был еще лучше, чем в Териоках. Весьма порядочный обед из четырех блюд обошелся Алексею Николаевичу в четыре марки. По красивому мосту пересекли реку Кюмень – прежнюю границу России и Финляндии, до передачи финнам Выборгской губернии. За три станции до столицы рельеф местности изменился – вместо лесистых равнин появились высокие отвесные скалы. В долинах между ними сгрудились крестьянские фермы в обрамлении ухоженных земель. Последний отрезок поезд летел по глубокому коридору, вырубленному в граните. Неожиданно для тех, кто ехал в первый раз, он выбрался на узкую насыпь, разделяющую два залива: Тёлёский и Дьюргорденский. Справа за Тёлёсом открылись парки Гесперия и Хагазунд, за ними поднимался величественный шпиль Национального музея. Слева потянулся сплошной ряд домов района Бру-

¹⁹ «Начальник станции» (финск.).

²⁰ Экспресс – срочная телеграмма.

гольм с громадой Рабочего дома. Лыков смотрел во все глаза, вспоминая прежние посещения симпатичного города. Центральных улиц было не видно – их закрывал парк Кайсаниemi.

Пуская последние дымы, паровоз подтащил состав к новому зданию вокзала. Приехали. Хюйвэ-пэйвэ²¹, Гельсингфорс!

Алексей Николаевич надеялся, что его встретят. Если проманкируют, значит, дело дрянь – помощи от Юнаса не жди. Поэтому он обрадовался, когда подошел молодой финляндец и приподнял шляпу:

– Господин Лыков?

– Да. Вы от господина Кетолы?

– Точно так. Велено встретить вас и привезти в управление. Меня зовут Вихтори Коскинен. Взят кандидатом на классную должность в криминальную полицию. Буду вашим помощником на все время командировки.

Кандидат напомнил питерцу молодого Таубе: широкий в плечах, узкий в бедрах, спокойный, глядит приветливо. От финна исходила особенная уверенность, сходная с лыковской – видимо, он обладал большой физической силой.

– Называйте меня Вихтори, а я вас – Алексей Николаевич, – продолжил новый помощник.

– Вы хорошо говорите по-русски.

– Да, моя мама была русская, этим я ей обязан.

– Была? – остановился на ходу сыщик.

– Да, она умерла пять лет назад от чахотки.

Несколько минут после этого русский и финн шли молча. На выходе Коскинен предъявил перронный билет. Статский советник хмыкнул:

– А мой тамошний помощник хитрец Азвестопуло всегда проходит на перрон бесплатно. На правах полицейского.

– У нас так не принято, – серьезно ответил Вихтори. – Десять пенни – небольшие деньги, зачем махать служебным документом?

Выйдя на улицу, парочка оказалась под надзором широкоплечего констебля. Он вручил им металлический жетон с номером тридцать пять и что-то крикнул ожидавшим извозчикам. Тут же подъехала пролетка с таким же номером.

– А вот еще двадцать пять пенни, – повеселел кандидат на должность. – За посадку. Я слышал, у вас в России такого нет. Извозчики дерутся за седоков чуть не до крови?

– Случается... – сдержанно ответил Лыков. Он знал, что ему часто придется терпеть такие шпильки от законопослушных подданных Великого княжества.

Носильщик поставил ему в ноги саквояж с корзиной – весь багаж питерца, получил плату, и извозчик тронулся. Ехать им было недалеко, на Александровскую улицу, 24. Здание выходило фасадом на Сенатскую площадь, но на этом его достоинства кончались. Тесное, неудобное, с низкими потолками, оно едва вмещало штат полицейского управления. Магистрат много лет обещал приискать для нужд правоохранителей более просторное помещение. Даже отвели место на участке газового завода, но потом его отобрали под расширение вокзала. А в проектируемом новом Городском доме комнат для полиции опять не намечалось.

Таковыми сетованиями встретил гостя полицмейстер Гельсингфорса полковник Вальмквист. Низкого роста, важный и чуть-чуть медлительный, он говорил по-русски с сильным акцентом и подбирал слова. К русскому полковник отнесся настороженно и времени на беседу потратил немного. Алексей Николаевич знал, что Вальмквист окончил в свое время Финлянд-

²¹ Здравствуй (*финск.*).

ский кадетский корпус, ныне упраздненный вместе с финской армией. Корпус насаждал в своих стенах особые привычки. Его выпускником являлся также бывший военный министр генерал Редигер. Барон Таубе весьма уважал Редигера, был с ним в тесных отношениях и как-то пересказал сыщику воспоминания министра о кадетском корпусе. Учились там исключительно финны и шведы, а прислугой у них числились русские солдаты. Кадеты ко всему русскому относились с презрением, а денщиков и вестовых в лицо называли верблюдами...

Когда прием у полицмейстера закончился, Лыков отправился к своему приятелю. Кетола, живой, импульсивный, обрадовался гостю и по-дружески сгреб его в охапку:

– Здорово, руссия, питерский болотный перкеле!²²

– Здорово и тебе, чухна белоглазая!

Комиссар тут же стал жаловаться на магистрат:

– Представляешь, Алексей Николаевич, они все отдают под квартиры служащим! А мы опять будем... как это по-вашему?

– Ютиться, – подсказал кандидат на должность.

– ...ютиться здесь. Кстати, знакомься: Вихтори Коскинен. Гнет подковы, как и ты! Крепкий парень, да. А еще умный и храбрый. Я специально для тебя подобрал человека. Он взят в столичную полицию за отличие. Летом сбежали два опасных разбойника: избили до полусмерти конвоира, спрыгнули на ходу с поезда и скрылись. А Вихтори их поймал. Он служил коронным ленсманом²³ в Тавастгусском уезде. Взял с собой одного лишь констебля, отыскал негодяев в брошенном торпе²⁴ и нагрянул. Разбойники отстреливались из винтовки, выпустили все патроны, и после этого наши ребята их повязали, намяв заодно бока. Я знаю, ты сам не раз такое проделывал, и вот тебе случай не хуже.

Бывший ленсман выслушал панегирик в свой адрес равнодушно, словно бы речь шла не о нем. А комиссар продолжал:

– Мало того, наш богатырь и здесь уже успел отличиться. Гельсингфорс, надо признать, переживает не лучшие времена. В строительстве кризис, новых домов построено на треть меньше, чем в прошлом году. Заканчиваются полевые работы, сельские трудяги потянулись сюда. Но ведь осень: туристов все меньше, закрываются купальни, летние рестораны и водолечебницы. Масса прислуги увольняется до весны. Растет напряженность, люди остаются без заработков, и самые решительные принимаются за разбой. И один такой безмозглый субъект по фамилии Эурянняя решил ограбить исполнительницу египетских танцев госпожу Сент-Махезу...

– Извини, – перебил русский сыщик финского, – но что такое египетские танцы?

– Ну, это пластические движения... эротического характера. Мужчинам нравится.

– Ага, продолжай.

Кетола подмигнул приятелю:

– Хочешь – пойдем посмотрим. Так вот, наша египетская дива, которая в Египте не была ни разу, танцует в зале гостиницы «Сосьетэ». Один из лучших залов в городе, там всегда много посетителей. А сборы за танцы она хранит в номере. Эурянняя узнал об этом от болтливой горничной и ночью ворвался к госпоже Сент-Махезе. Дуру-горничную пришиб, хозяйке подбил глаз и попытался скрыться с кассой. Но на шум сбежались коридорные и помешали. Он заперся в номере, кричит: дайте уйти, а то я перережу женщин! Пока послали за мной, пока явился наряд полиции, все решилось легко и просто. Мимо шел Вихтори, услышал шум и поинтересовался, в чем дело. Поднялся на этаж, выбил дверь и скрутил негодяя. А тот был верзила, всегда ходил с ножом. И... как это у вас?

²² Перкеле – черт (финск.).

²³ Ленсман – становой пристав.

²⁴ Торп – арендованный участок земли со строениями.

– Нашла коса на камень, – снова дал подсказку кандидат на должность.

– Что же вы такого человека держите на испытании? – спросил Алексей Николаевич. – Ему из ленсманов в фохты²⁵ самая дорога. А не к вам в бюрократы.

– Он нужен нам здесь. Толковый, смелый, никого не боится. Наверное, ты именно таким был в молодости. Не то что сейчас... Я хочу вырастить из Вихтори помощника себе, но пока ему не хватает опыта. Сотрудничая с тобой, он как раз наберется новых приемов. Русская полиция серьезней нашей потому, что у вас и проблемы посерьезнее. Финны спокойнее, они законопослушны. Большая часть нарушений совершается по пьяному делу. Хулиганство, ножовщина, мордобой, тайное винокурение... Преступление, из-за которого приехал ты, для нас как курс университета для гимназии. Не было никогда здесь подобных фокусов. Вот пусть Вихтори и пройдет под твоим руководством этот курс. Он будет тебе надежным помощником. А ты, пожалуйста, стань для него хорошим учителем.

– По рукам, – Лыков по очереди обменялся с собеседниками крепкими рукопожатиями. – А теперь расскажи, будь добр, про криминальную обстановку в Гельсингфорсе. Особо прошу остановиться на тех вещах, которые могут касаться моего дознания.

Комиссар подвел статского советника к плану города, висевшему на стене:

– Запоминай. К зиме я жду ухудшения этой самой обстановки по причинам, которые только что изложил. В Гельсингфорсе копится критическая масса недовольных. Люди лишаются работы, им нечем себя прокормить. А к ним вдобавок едут и едут новые конкуренты на приискание должности. Мы участвовали в облавах, забираем с улиц и из притонов празднующихся, а их меньше не становится. Вчера привели восемнадцать человек из самого города и еще четверых из Сёрнеса. На что живут, непонятно... Хулиганства стало больше, то и дело пускают в ход пуукко, который вы в России называете финкой. Мы ввели штраф в пятьдесят марок за ношение пуукко на дорогах общего пользования, а также на частных и публичных увеселениях и собраниях. Но толку пока не вижу. Вот на прошлой неделе случилась большая драка на вечере рабочего союза кожевников. Ввалились пятьдесят подонков, никакого отношения к кожевникам не имевшие, все они были с ножами. Начали приставать к женщинам, их кавалеры вступились, и началось... Так что по улицам вечером ходи осторожно.

– Что еще предпринимаете?

– Пытаемся бороться с пьянством. От него все зло! Каждый вечер в шести участках, на которые поделен город в полицейском отношении, собирают до полусотни напившихся до беспамятства или буйства. А по воскресеньям – больше ста. В итоге принято правило, запрещающее продавать водку в малых количествах, меньше одной канны в руки.

– Канна – это мера в три с половиной литра, – поспешил пояснить Лыкову Вихтори.

– И результаты вроде бы есть. Рабочие и плебс не могут позволить себе такой расход. Пьяных, кажется, стало меньше.

Алексей Николаевич скептически покачал головой:

– А самогонование? А кто помешает рабочим скинуться на канну втроем?

– Ты прав, все это имеет место. Но мы ужесточили также правила продажи. Теперь водку можно купить только четыре дня в неделю: со вторника по пятницу с девяти до одиннадцати часов утра.

– И что?

Начальник сыскной полиции поджал губы:

– В ответ они стали пить политуру. В бутылку лимонада кладут соль, доливают политуру и трясут. От соли и встряски лак выделяется и осаживается на дно.

– Много уже народу отравилось? – сочувственно спросил питерец. – У нас таких дураков тоже в избытке.

²⁵ *Фохт* – начальник уездной полиции, аналог русского исправника.

– Есть ослепшие, и два человека умерли. А еще очень мы досаждаем шведам. Представляешь, наши ребята повадились ходить на ту сторону границы в шведский город Хапаранда. Для этого надо лишь перейти речку по мосту. И – пей сколько хочешь и когда хочешь, да и цены ниже. В результате в прошлом году...

Кетола полез в стол, вынул оттуда справку и зачитал вслух:

– ...задержано в пьяном виде семьсот семьдесят пять человек. Из них шестьсот восемьдесят семь оказались финляндцами! Почти все тяжкие преступления в Хапаранде были совершены ими же. Население требует усилить в городе кадр полиции и не пускать через мост соседей.

– Понял. А что с более серьезными преступлениями?

– Кражи в квартирах случаются здесь даже не каждую неделю, не то что у вас. Часто стали красть в банях, особенно в Сёрнесе. Как редкий случай приведу похищение главным директором Гельсингфорсской лесопромышленной фирмы Генриксеном семидесяти тысяч марок из кассы предприятия. Украл и побегал к вам в Россию! Мы арестовали его уже на станции Рийхимяки. Что еще? Грабежи происходят регулярно. Вчера, например, ограбили городского фискала²⁶ в парке Дьургорден, возле спортивного плаца. Зачем он туда вечером один пошел? А третьего дня в предместье Германстад напали на хозяина магазина. Он нес через неосвещенный двор дневную выручку к себе на квартиру. Живет напротив... Стукнули по голове, отобрали кассу и убежали. Ищем, кто сделал, но пока не нашли.

– Тихий городок, два грабежа в неделю, – ехидно прокомментировал питерец. – Вас бы, батюшка, начальником сыскного в Иркутск! Или в Читу. Поглядел бы я, как бы вы там крутились.

Кетола хотел съязвить в тон, но гость опередил его вопросом:

– А что с убийствами? По-прежнему около ста в год на всю страну? Не снижается?

– Увы, даже потихоньку растет. Это общая тенденция. У вас ведь то же самое?

Статский советник выругался в ответ:

– У вас потихоньку, а у нас полным ходом. Но...

– Сегодня в обеих каторжных тюрьмах Финляндии за убийство сидит почти пятьсот человек. Каждый год прибывает еще по сто – сто двадцать. Дела преимущественно бытовые. Вот недавно в городской богадельне Оггельбу поспорили двое, кому очередь шить на швейной машине. И двадцатидвухлетний дурак вынул нож и зарезал шестидесятипятилетнего старика... Теперь получит десятку и шесть лет лишения гражданского доверия²⁷.

– Ну а как насчет настоящих убийств? – с нажимом уточнил питерец.

По лицу комиссара пробежала злая гримаса:

– В Улеаборге в июне подломали кассу Алатеммесской кооперативной торговли. Забрали всего двести марок, но при этом убили заведующую торговлей Анну-Ловизу Сири и ее пятнадцатилетнюю дочь.

– Как их убили? – лицо Лыкова тоже дернулось.

– Застрелили из револьвера.

– Нашли?

Кетола ответил сквозь зубы:

– Нет. И улики никаких не оставил, сволочь. А неделю назад уже здесь, в моем городе, случилось подобное. Ограбили кондитерскую акционерного общества «К. М. Брондин» на углу Высокогорной и Южной Эспланадной. Взломали все три кассы, похитили около тысячи марок. И задушили сторожа Хирвикоски семидесяти лет.

– Там стреляли, здесь душили. Ты думаешь, это сделал один и тот же человек?

²⁶ Фискал – следователь.

²⁷ Лишение гражданского доверия – поражение в гражданских правах.

– Да. Кассы и там и там взломаны одинаково.

– Есть какие-то предположения? – насел Лыков. – Что говорит агентура?

Юнас побарабанил пальцами по столу и ответил после паузы:

– Пока у меня пусто. Предположения... они ничего не стоят. Агентов я зарядил, жду.

– Тебе помочь с этим делом?

– Что я, малый ребенок? – рассердился комиссар. – Справлюсь сам. Чем ты, приезжий, можешь мне помочь? Ты даже языка здешнего не знаешь.

– Хорошо, – миролюбиво продолжил питерец. – Что по моему делу? Вы нашли хоть что-то на Раутапяя?

Кеттола окончательно расстроился:

– И тут пусто! Чтоб ему сгореть в аду!

Немного успокоившись, он пояснил:

– Мы наблюдаем за его сестрой Импи, которая живет в Лапвике. И за приятелем, Кустасом Пюльсю; тот сидит в губернской тюрьме, отбывает трехлетний срок за кражу. Смотрим переписку, подсадили в камеру своего человека. Наседка у вас называется? Вот.

– Подсадная утка.

– Пусть так. Утка-наседка вскользь заговорил о Хейкки Раутапяя: я-де слышал, что он уехал в Петербург и устроился там в банке, нельзя ли тот банк грабануть? Пюльсю только посмеялся. Там, мол, целая очередь подобных умников. Но его приятель сам с головой, ему помощники не нужны, на помощниках только сыпаться. Забудь про Хейкки, грызи свои сухари молча.

– Какие сухари? – не понял Лыков.

– В наших тюрьмах мягкого хлеба не бывает, арестанты едят сухари, размачивая их в квасе, – разъяснил кандидат на классную должность. – Никогда не видели? Они в форме кружка с дыркой посередине, их надевают на палку и так носят в камеры.

– Сухари с дыркой? М-да...

Юнас дал приятелю подивиться и завершил рассказ:

– Словом, не могу пока ничем тебя порадовать. Осваивайся, изучай переписку, Вихтори покажет тебе город. Жить советую в гостинице «Аполло» на Южной Эспланаде, дом десять. Сутки стоят четыре марки, лучшие номера идут по восемь марок, но ты у нас, помнится, богач... А в десять вечера приглашаю тебя на ужин в «Кафе-Опера», это в здании Шведского театра, уже на Северной Эспланаде. Ну, мне пора. Иди заселяйся. Есть пожелания?

– Я хочу повидаться с Кустасом Пюльсю, – заявил статский советник. – Лучше прямо завтра.

– Зачем?

– Спрошу его насчет приятеля.

Комиссар возмутился:

– Бить его мы тебе не позволим, тут не Россия!

– Не буду я его бить. Лучше попробую заинтересовать. Хозяин похищенных капиталов готов заплатить тем, кто поможет их вернуть, до десяти процентов от суммы. Выходит на круг тридцать тысяч рублей, или восемьдесят тысяч марок. Вдруг за хороший куш сиделец выдаст приятеля?

Начальник сыскной полиции воодушевился:

– Восемьдесят тысяч? А если я помогу тебе их вернуть, то и мне полагается награда?

– Конечно. Поможет Вихтори – и он получит. Я имею от министра необходимые полномочия, а он получил их от фабриканта Смирнова, владельца Ликинской мануфактуры.

– Вот с чего надо было начинать! А ты ходил вокруг да около. Вихтори, слышал? Есть шанс получить наградные от этих рюсся. Давай напрягись.

Оба финляндца заметно повеселели. Лыкову только это и было нужно. Без сильной заинтересованности такие дела не решаются, тем более в чужой земле. Он нарочно приберег этот козырь напоследок, чтобы побольше выудить из коллег задарма. Теперь, увидев возможность заработать, финские сыскари должны показать себя.

Друзья расстались до вечера. Коскинен помог командированному заселиться и тоже откланялся. Алексей Николаевич разложил вещи, спустился в ресторан и выпил графинчик английской горькой. Закусил все той же «лососиной сапожника», как финны иронично именуют салаку. Оставив место в желудке на ужин, он отправился на прогулку.

Глава 5

Дознание по-фински

Времени у гостя было немного, только-только побродить по центру. Уже начинало темнеть, зажглись фонари. Оказалось, что по освещенности Гельсингфорс не уступает Петербургу, а кое в чем и превосходит его.

Алексей Николаевич нога за ногу мимо окруженного часовыми дома генерал-губернатора доплелся до Торговой площади. Там имелись две достопримечательности: фонтан и Царьцын камень. Фонтан украшала скульптура, символизирующая собой Гельсингфорс: женская фигура в окружении четырех морских львов выступала из камышей. Русаку больше нравился памятник в другом конце площади. Его воздвигли в честь посещения города императрицей Александрой Федоровной, супругой Николая Первого. Ничего особенного – гранитныйobelisk, увенчанный двуглавым орлом. Но зато свой, родной... От камня открывался вид на Южную гавань и Кронбергский рейд. Они были уставлены судами, чьи мачтовые огни весьма оживляли картину.

Полюбовавшись гаванью, Лыков обогнул Императорский дворец, прошел мимо гауптвахты и постоял у мостика на остров Скатудден. Наверху на скале высился Успенский собор, главный православный храм финской столицы. Далее, питерец это помнил, тянулись длинные таможенные склады, а на оконечности – флотские казармы. Тот край был отведен под нужды Свеаборгского военного порта, где гражданских не жаловали. Монетный двор, красивое здание таможни, Морское собрание – Лыков гулял там в свое последнее посещение Гельсингфорса. На Поясной улице притулилась губернская тюрьма, которую сыщик собирался посетить завтра.

Пока же он продолжил прогулку по Северной Эспланаде. Две улицы как бы обрамляли длинный живописный парк в самом центре города. В парке тоже обильно горели фонари, гуляли жители и туристы целыми семьями, слышались звуки духового оркестра. В воздухе была разлита атмосфера приятного вечера, еще по-летнему теплого. Дух беззаботности, обаяние красивого города, легкий налет надвигающейся осени... И где-то в этом раю скрывался человек, застреливший женщину с пятнадцатилетней дочерью и задушивший старика. Впрочем, какой он после этого человек?

В ресторане трое полицейских – два сыщика и один кандидат – отужинали на славу. Как и ожидалось, Юнас сразу же заговорил про деньги:

– Я доложил наш разговор полицмейстеру, и он заранее дал согласие на то, чтобы я принял наградную премию.

– Ты сначала ее заслужи, – срезал его питерец.

Но суомец не обратил на эти слова никакого внимания и продолжил:

– Только сам понимаешь, с ним придется поделиться.

– Да запросто. Надеюсь, полковник не возьмет себе львиную долю?

– У тебя есть в этой премии свой интерес?

Лыков успокоил генерального комиссара:

– Мой интерес – побыстрее поймать вора и вернуться домой. У меня реформа полиции из-за него застряла! Так что все деньги ваши, делите как хотите.

– Хювя²⁸, – потянулся к бутылке Кетола. – С таким стимулом мы тебе быстро изловим беглого кассира. А сейчас отведай нашей вийны²⁹. Как будем пить: по-фински или по-русски?

²⁸ Хювя – хорошо (финск.).

²⁹ Вийна – водка (финск.).

Алексей Николаевич правильно понял вопрос приятеля. Из-за дороговизны водки суомцы часто пили ее вперемешку с пивом и вином, чтобы сильнее ударило в голову за меньшие деньги... И сыщик энергично потребовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.